

Вероника Якжина

Письма подруге

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Я44

Якжина В. П.

Письма подруге / Якжина В. П.; худ. Лотова В. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 215 с.

ISBN 978-5-532-93572-3

Джесс молода и красива, успешно управляет семейным мотелем вместе с любящим и заботливым мужем. Но все ли в ее жизни так гладко, как может показаться на первый взгляд? Рак грозит забрать ее жизнь в ближайшие месяцы, а неосуществленные мечты юности терзают душу. Разрываемая сомнениями, в момент глубокого отчаяния она встречает Джинна, исполняющего желания. Познание неизведанного, вызов смертельному приговору, новые яркие эмоции и шквал чувств – все это рушит иллюзию идеальной жизни и помогает сбросить розовые очки. Сможет ли она отделить зерна от плевел и разобраться, что в ее жизни истинное, а что – ложь?

ISBN 978-5-532-93572-3

© Якжина В. П., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	63
Глава 5	87
Глава 6	102
Глава 7	116
Глава 8	136
Глава 9	155
Глава 10	175
Глава 11	205
Эпилог	214

Глава 1

– Господи, ты когда-нибудь перестанешь так делать?

Эд процедил слова сквозь зубы, стараясь скрыть раздражение. Безуспешно.

– Конечно, перестану. Умру и сразу перестану, – весело ответила я и быстро откусила край печенья, который только что обмакнула в кофе.

Его всегда злит, что я так делаю. Но я не перестаю. Каждое божье утро на протяжении почти двенадцати лет мы спорим, должна я макать печенье в напиток или нет. Я отказываюсь отречься от любимой с детства привычки. Он отказывается смириться с ней.

Моя фраза про смерть заставила его лицо побелеть – не то от страха, не то от злости. Я уже давно перестала понимать мужа.

– Брось эти шуточки. Ты не умрешь.

– Вот сегодня и узнаем.

– Джесс...

Я остановила его, подняв ладонь. Не хотелось опять выслушивать утешительные речи. Надоело.

Нам предстоит третья поездка к моему онкологу. Сегодня он наконец скажет, была ли та опухоль, что мне удалили несколько недель назад, злокачественной. Не понимаю, неужели так сложно это определить? Мне уже плевать, какой ответ, лишь бы что-то конкретное.

Мне поставили меланому – рак кожи – четыре года назад. Мы с Эдом сразу ударились в лечение. Операция, курс химиотерапии, таблетки горстями. Он сказал, что сделает все, чтобы вытащить меня. Что не отдаст меня какой-то там болезни. Мило, правда? Тогда это еще казалось мне милым, дорогая Подруга. И мы справились. Ремиссия, довольно длительная, мы и думать забыли об этом всем. Как будто я просто перенесла простуду.

Но болезнь вернулась. Я маюсь изо дня в день, не зная, чего ожидать. Док говорит, что если то, что из меня вырезали – злокачествен-

ное, то нам нужно готовиться к рецидиву. Если он уже не настал и лишь сидит в засаде. Нет ничего хуже этого неведения.

После моего... исцеления что-то изменилось во мне. Иначе смотрю на мужа. Будто на кого-то постороннего. Я словно где-то далеко, даже когда Эд сидит рядом за столом с неизменной газетой. Зачем вообще в этом городишке газета? Еще и ежедневная? Как будто здесь происходит что-то, что заслуживает внимания. Но каждое утро он ворчит на мое печенье, глядя поверх свежего номера.

Знаешь, Подруга, порой смотрю на него и не понимаю – как могло случиться так, что я вышла за него? Я не рассказывала тебе нашу историю? Давай расскажу.

Ты, конечно, помнишь, что мой отец в наследство от своего отца получил мотель. «Санрайз» – лучший мотель в Скарборо, округ Кемберленд, штат Мэн. Папа с мамой были очень счастливы. Они были вместе с ранних лет, успешно вели совместный бизнес и воспитывали замечательную дочурку Джессику.

Вот только девочка выросла и не захотела всю жизнь посвятить паре десятков комнат и местности, которую к двадцати годам знала наизусть. Мне хотелось большего. Я хотела жить в мегаполисе, каждый день ходить по бесконечным улицам с незнакомыми людьми, которых вижу первый и последний раз – лишь в эту самую секунду. Я хотела встречать новый день, не зная, что он мне принесет. Хотела, чтобы каждая минута была приключением, была наполнена выживанием в огромном жестоком городе.

Я собиралась уехать. В двадцать лет ничего не боишься, весь мир тебе по плечу, корни совсем не глубоко цепляются за землю, на которой ты вырос. Они в одно мгновение способны превратиться в крылья, которые унесут тебя на край света или в самое его сердце, стоит только пожелать.

И я желала. Ох, Подруга, как сильно я этого желала! Мое сердце уже было там, в городе, где один лишь Центральный парк больше всего нашего городишки.

Папа не хотел меня отпускать. От своих постояльцев за несколько десятилетий он слышал сотни страшных историй о том, что делает большой город с молодыми девушками. Порабощает, превращает в игрушки богачей, проституток, наркоманок, рабынь. Пережевывает и выплевывает, высосав силу, красоту, молодость, жажду жизни. Никакие слова и обещания не могли переубедить папу. Что там говорить, даже его вера в мою уникальность не была способна на такое.

Отец был красив, как греческий бог. Тогда ему было сорок пять, он был высоким, подтянутым, веселым и бессовестно обаятельным. Неудивительно, что мама в свое время влюбилась в него.

Не знаю, что она сделала, какую магию применила, но однажды утром отец завел со мной беседу. Никогда не забуду тот разговор, тот

хитрый взгляд папиных глаз цвета океанской воды у подножия скалы с маяком, тот его мечтательный, наигранно-ленивый тон, с которым он тщательно вырисовывал слова на моей душе.

– Джесс, а что, в Нью-Йорке красиво сейчас?

Помню, как начала злиться, решив, что он издевается.

– Конечно, красиво. Это Нью-Йорк, папа. Там всегда красиво. И в мае, и летом, и осенью. А зимой... просто сказочно.

– Может, нам стоит как-нибудь съездить туда на выходные, что скажешь?

Он расплылся в улыбке, глядя, как я перестаю хмуриться и плавно соображаю.

– Хотя... Глупая идея. Нельзя оставить мотель. В выходные всегда больше всего посетителей. Нет-нет.

Улыбаюсь через годы, вспоминая, как нелепо и неправдоподобно это выглядело. Мой отец никогда не умел притворяться. И как я сразу не распознала в его словах добрую насмешку?

– Пап... Ведь можно попросить кого-нибудь присмотреть за постояльцами на пару дней?

– Ты знаешь мое правило – жену, машину и мотель никому не доверю.

Я поникла, дуясь на отца. Он сжалился.

– Ты действительно так сильно хочешь туда уехать?

Обычно разговоры о Нью-Йорке вызывали во мне взрыв, буйство, с нечеловеческим энтузиазмом я говорила о нем, рассказывала что-то новое. Но тогда, чувствуя, как пропасть между мной и Большим Яблоком расширяется, я грустно пробормотала:

– Всей душой.

Отец вздохнул. Лишь через несколько лет я смогла понять, насколько тяжело ему далось такое решение.

– Мы с мамой много думали. Мы не можем отпустить тебя в Нью-Йорк. Если с тобой что-то случится, я никогда не прощу себе, что я сам купил билет и отправил тебя в неизвестность. Что меня не было рядом в трудную минуту.

– Пап, ты же меня знаешь, – начала тараторить я.

Папа строго оборвал меня:

– Не перебивай. Дослушай.

Я кивнула, нервно сглотнув.

– Мы не можем отпустить тебя туда одну. Там у нас нет никаких родственников или хотя бы знакомых. И из нашего города туда никто не собирается.

«Конечно, – скептически подумала я, – у них нет смелости, чтобы даже мечтать о таком».

– Но и лишать тебя мечты мы не имеем права. – Тут папа улыбнулся тому, как вытянулось от удивления мое лицо. – Как я сказал, мы думали очень много. А потом подумали еще чуть-чуть. Мы с мамой решили продать мотель и переехать в Нью-Йорк всей семьей.

Если бы рядом с нашим домом взорвались разом все снаряды мира, я удивилась бы меньше. Неожиданно для всех, в первую очередь для самой себя, я разрыдалась. Я плакала так долго и так громко, что мама побежала за успокоительным, пока папа гладил меня по голове, стараясь утешить.

– Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо, – снова и снова повторяла я.

Утерев наконец слезы, я принялась скакать по гостиной и во все горло распевать песню «Нью-Йорк, Нью-Йорк». В родительских глазах читалась уверенность в правильности принятого решения. Мама сентиментально улыбалась, а папа просто светился от радости. Даже то, что принадлежало семье много десятилетий, не могло быть для них дороже мечты дочери.

Если бы я знала, чем для меня это обернется.

Спустя несколько месяцев после того, как мотель был выставлен на продажу, в город приехал он. Эдвард Истбрук.

Успешный бизнесмен родом из Бостона. Ему было тридцать шесть, почти вдвое старше меня. Он сразу мне понравился. Еще бы, ведь он намеревался купить наш мотель и ускорить осуществление моей мечты! Просто рыцарь на белом коне. От него за версту веяло большим городом. Все в нем: его повадки, движения и интонации, скорость и манера речи – все выдавало горожанина. Это приводило меня в восторг.

Отец поручил мне показать Эду Скарборо и окрестности. Я с радостью согласилась, ведь мне хотелось как можно больше расспросить у него про Бостон, про места, где он бывал, про то, почему он меняет настоящую жизнь на ЭТО?

Эд не красавец, он совсем не похож на голливудского актера. Но в нем было что-то манящее. Какая-то нереальная харизма, которой он пользовался на все сто.

Он не сводил с меня глаз, сидя на пассажирском сиденье папиного пикапа, когда я возила его по округе. Он охотно отвечал на все мои вопросы, вот только ответы были не такими, как я ожидала. Эд рассказал, что ему нужно место вроде Скарборо. Душевное, где все друг друга знают. Ему нужно дело, которое не выжимает до капли. Дело, в котором любой, чьи интересы сходятся с твоими, не вцепится тебе в глотку, а будет верным соратником. После многих лет бешеной гонки, дикого ритма жизни, бесконечного шума и вечно бодрствующего города ему нужно было спокойствие. Передышка. Ему нужна была тишина. Та тишина, что сводила меня с ума, заставляя время от времени прощупывать собственный пульс, чтобы убедиться – нет, все нормально, я жива.

Мы были диаметрально противоположны. Наверное, это и привлекло меня. Что-то новое, неизведанное. То, с чем я никогда не сталкивалась. Я не заметила, как мы сблизились. Ни один из парней в моей школе, даже ни один из тех, с кем я училась в университете Портленда, не был похож на него хотя бы на один процент.

Однажды мы проболтали всю ночь напролет, разместили новых постояльцев, я показывала ему кое-какую работу, оформление документов. К тому моменту мы уже месяц провели бок о бок, целыми днями находились рядом и постоянно чем-нибудь занимались вместе. Перед рассветом я повела его на свое любимое место. Маяк, неподалеку от которого находится наш мотель. Мы подошли к самому краю скалы, и я уселась, свесив ноги. Солнце уже начало проблескивать из-под толстого океанского одеяла. Оглянувшись, увидела, что Эд в нерешительности стоит там же, где я отпустила его руку пару минут назад.

– Ты что, боишься? – задорно спросила я, сверкнув глазами.

– Я не очень люблю высоту, Джесс.

Я расхохоталась.

– Брось, здесь так красиво! Ты столько упускаешь! Ты должен своими глазами увидеть, почему наш мотель называется «Санрайз».

Он вздохнул и вытащил руки из карманов джинсов. Медленно подошел и с осторожностью посмотрел вниз.

– Нечего бояться! Обрыв здесь не очень крутой.

Он невесело усмехнулся.

– А ты умеешь подбодрить.

Я снова рассмеялась, а Эд все же сел рядом. Взял меня за руку и положил ее себе на бедро, не переставая поглаживать мои пальцы.

Я смотрела на линию горизонта, ветер играл с моими волосами. Я была так счастлива.

– Это единственное место, где я чувствую себя свободной. Здесь я словно умею летать, в то время как этот городок давит на меня со всех сторон, – пробормотала я, впервые в жизни озвучив кому-то причину того, почему постоянно пропадаю на скале.

– Ты – единственный человек, с которым я чувствую себя свободным.

– Что?

– Знаешь, я запутался, Джесс. Заплутал в лабиринте, передо мной несколько путей, но все они ведут в тупик. Мне никак не выбраться.

– О чем ты?

– Если я куплю мотель у твоего отца, то вы уедете. Я навсегда останусь здесь, а ты никогда не вернешься сюда. Мы больше не увидимся.

– Не покупай, – беззаботно предложила я, стараясь заглушить громкий стук своего сердца.

– Если не куплю, то его купит кто-то другой, и мне придется искать другое место. А я влюбился здесь. – Он быстро добавил, – в ваш город.

– Глупости, ты можешь остаться.

– Ты ведь все равно уедешь. Кто бы ни стал покупателем.

– Уеду.

– Не хочу расставаться с тобой.